УКРАИНСКИЙ**Вадим
Николаевич**

Кандидат экономических
наук, научный сотрудник
Института экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

UKRAINSKY**Vadim
Nikolaevich**

Ph.D. in economics,
research fellow
Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

schtirl@pochtamt.ru

УДК 332.1 + 316 + 91

**ДОСУГ В ТЕНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА:
ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ
ВОПРОСОВ**

В работе рассматриваются вопросы, которые связаны с разработкой исследовательской программы, посвящённой изучению досуга горожан в пригороде. Внимание акцентируется на проблемах понятийно-терминологического характера, определении исследовательского фокуса и использовании сравнительно нового аналитического инструментария.

Досуг, досуговые практики, дачи, вернакулярные районы, конкуренция мест

**LEISURE IN THE SHADOW OF BIG CITY:
RESEARCH QUESTIONS**

The article is concerned the issues that are related to the development of a research program devoted to the study of leisure of citizens in the suburbs. Attention is focused on the problems of conceptual and terminological nature, the definition of research focus and the use of relatively new analytical tools.

Leisure, leisure practice, dachas, vernacular areas, competition of places

Экономическая жизнь человека состоит не только из работы, но и из досуга; и досуг ... в некотором смысле более важен для рассмотрения, чем работа; ведь не досуг существует для работы, а скорее работа для досуга.

Г. Тард, «Экономическая психология» [38, р. 119]

Введение

Город, особенно если он крупный, «обязан» предоставить людям, в нём проживающим, не только разнообразные рабочие места – источник доходов, но и разнообразные способы проведения досуга. Казалось бы, всё просто. Дихотомия «работа – досуг» подкупает своей простотой.

Однако при ближайшем рассмотрении соответствующего исследовательского поля под названием «досуг горожан» картина перестаёт быть такой контрастной и наполняется массой полутонов. Многие занятия людей не могут быть отнесены ни к работе как источнику дохода, ни к досугу как свободному времени. Ярлык «городской досуг» становится не таким уж уместным, если учитывать то обстоятельство, что город активно вовлекает в свою «досуговую» орбиту прилегающие территории. Горожане в пригородной зоне среди прочих форм досуга активно занимаются тем, что традиционно связывается с сельской местностью: работают «на земле». Что, впрочем, не превращает их, пусть и временно, в сельских жителей, а соответствующие территории вместе с тем вряд ли можно называть сельскими (даже если таковой статус они продолжают формально сохранять).

Перечень таких «неопределённостей» можно было бы продолжать очень долго. В настоящей работе мы постараемся чуть более подробно остановиться на некоторых из них и обозначить те важные методологические вопросы, которые, как представляется, должен перед собой ставить исследователь, стремящийся изучить более частную проблему – «досуг горожан в пригороде».

Неуловимый досуг

Первый вопрос, с которым сталкиваешься: а что же такое досуг? Как уже было отмечено выше, простого ответа здесь нет. И то, что существует проблема адекватного понятийного аппарата, отражено в одной из свежих отечественных работ, посвящённых «досуговой» тематике: «кажется принципиально важным собрать другую оптику, другую систему различений, для которой отправной точкой будут конкретные «формы времяпрепровождения» конкретных людей. А значит, нужен другой – не экономикоцентричный и не марксистский – словарь» [3, с. 7].

Досуговая проблематика в научном дискурсе актуализировалась после Второй мировой войны, когда граждане в первую очередь ведущих экономических держав (а затем и многих других, не таких развитых) столкнулись с ростом свободного времени. Уже в 1950-е гг. зарубежные исследователи сформулировали ряд положений, которые можно считать фундаментом современной «теории досуга».

В первую очередь, конечно, обозначилась проблема дефиниции, обусловленная многообразием конкретных форм досуга. Как в своё время писал Дж. Соул, «досуг – это слово, которое часто используется, но редко определяется. Под ним может рассматриваться отдых, безделье, игра или рекреация. Любое или все эти занятия могут иногда составлять досуг, но, конечно,

они не идентичны ему. Люди во время досуга могут сосредоточиться на занятиях спортом или занятиях интеллектуальной деятельностью. Они могут быть заняты в производстве чего-либо для себя или для других, например, в садоводстве, строительстве или ремонте дома, полезных социальных мероприятиях, рисовании, театре, музыке» [35, р. 16].

В том же 1957 г. Ж. Дюмазедье опубликовал работу, в которой в качестве маркера для отграничения времени досуга использовал факт наличия/отсутствия у человека тех или иных обязательств: «...Досуг определяется не сам по себе, но в первую очередь по отношению к профессиональным обязанностям ..., а также по отношению к обязанностям домашней, семейной, социальной, гражданской, духовной жизни» [33, р. 79].

В конечном счёте Дюмазедье сформулировал следующее определение досуга: «Досуг – это изменчивый и сложный ансамбль занятий, которым человек добровольно посвящает себя, чтобы расслабиться или развлечься, усилить своё социальное участие, развить свои вкусы, свои знания или способности, освободившись от всех обязанностей¹, профессиональных, семейных или социальных» [33, pp. 79–80].

Конечно, все вопросы обозначенный выше подход не решил. Уже в 1960-е гг. Э. Хьюз писал: «Досуг, или время, свободное от работы, разнится в порядке, обратно пропорциональном рабочему времени. Но, кроме обязанности работать за плату, люди, безусловно, имеют другие обязанности, которые также разнятся в зависимости от возраста, пола, положения в семье, места в обществе и других обстоятельств. ... Дорога на работу и с работы, домашние дела, забота о детях, другая деятельность различного рода, а также развлечения, отдых и заботы об аксессуарах отдыха – всё это требует времени. Существуют разные мнения о том, какие из этих видов деятельности заслуживают названия «досуг»» [29, с. 71–72].

В куда более близкой по времени публикации к настоящему моменту работе С. Ловелл, по сути, был вынужден «развёрнуто прокомментировать» столь дискуссионный термин: «Досуг – это не работа, однако кроме этого он включает массу других вещей. ... По мнению большинства людей, досуг предполагает определённую степень индивидуального выбора и самостоятельности в том, как использовать нерабочее время. Он представляет собой свободу от обязанностей, связанных с зарабатыванием на жизнь, и психофизиологических императивов, таких как еда, сон, покой, а также освобождение от обременительных и практически неизбежных нетрудовых обязательств (домашние дела, забота о детях, ... посещения зубного врача и т.д.). Отсюда можно исключить и определённые публичные, в высшей степени ритуализованные, обременённые условностями и de facto принудительные формы культуры развлечений, вроде балов, парадов и других празднеств подобного типа². Таким образом, досуг часто представляется одним из важнейших атрибутов современной западной цивилизации» [12, с. 141]. Другими словами, речь опять-таки идёт о многоаспектном, сложном феномене, к которому много что можно отнести и, вместе с тем, из которого много что нужно исключить.

Казалось бы, вышеприведённые описания досуга должны уменьшить «степень свободы» исследователя, приступающего к изучению соответствующей проблематики. Однако во многих современных отечественных публикациях, посвящённых рассмотрению досуга, часто можно обнаружить понятийно-терминологическую чехарду. То свободное время (время досуга) оказывается эго-сфокусированным «временем, которое человек посвящает себе любимому (любимой)» [2, с. 83], то досуг, по сути, редуцируется исключительно до отдыха, поскольку

¹ Здесь, пожалуй, требуется уточнение: досуг, тем не менее, может предполагать выполнение обязательств, которые человек, по сути, сам возлагает на себя

² Как тут не вспомнить, по контрасту, вебленовский «праздный класс», который в такой современной трактовке досуга, как оказывается, может быть весьма загружен выполнением различных обязанностей, не являющихся банальным ничегонеделанием.

он меняет свою «ориентированность в зависимости от существующей моды на отдых» [16, с. 245], и т.д.

Пожалуй, особого внимания заслуживают попытки типологизации досуга, предпринятые в стенах Института социологии РАН и нашедшие своё отражение в целом ряде работ¹. При этом, правда, соответствующим типологиям² существует широко представленная в зарубежных публикациях альтернатива, во многом базирующаяся на наработках Роберта Стеббинса, известного канадского исследователя досуговой проблематики³.

Однако предложенные Стеббинсом генерализованные типы досуга, основными из которых являются «обычный» досуг (*casual leisure*) и «серьёзный» досуг (*serious leisure*), не устроили отечественных исследователей. В частности, приводится следующая аргументация в пользу использования именно «доморощенной» отечественной типологии: «...Привлекательная с содержательной точки зрения типология мало применима к российской действительности, поскольку масштабы вовлечённости в «серьёзный» досуг в России, как показывают исследования, в целом невелики и сильно уступают по масштабам распространённости «несерьёзному» досугу. «Несерьёзный» же досуг охватывает слишком большую группу населения, «размывает» её, делает «неподъёмной» для анализа» [22, с. 62].

Данные аргументы представляются малоубедительными⁴, особенно в свете того, что в рамках регулярных опросов россиян, результаты которых демонстрируются в указанных отечественных работах, с одной стороны, постоянно фигурируют способы проведения досуга, которые ни в коей мере не противоречат тем разновидностям досуга, которые Стеббинс отнёс к «обычному» досугу, с другой стороны, в качестве ординарных досуговых практик в «общем ряду»⁵ фигурируют, по сути, целые классы досуговых форм [7, с. 259; 17, с. 220; 25, с. 86], выделенные Стеббинсом в рамках «серьёзного» досуга. В частности, к таковым можно отнести хобби, которое, среди прочего, включает в себя такую крайне разнообразную в содержательном плане досуговую деятельность, как коллекционирование⁶. Сложно представить, что в России так мало коллекционеров, а тем более больших любителей садоводства или, например, вязания, что при проведении полевых исследований соответствующие вариации просто не учитываются и скидываются в одну недифференцированную «большую кучу», называемую «хобби».

Подытоживая настоящий параграф, отметим следующее: попытки «изобретения велосипеда» в деле изучения досуга на отечественной почве при игнорировании вполне опера-

¹ См., в частности, соответствующие главы в серии монографий [7; 17; 25].

² Справедливости ради нужно отметить, что появившееся позже типологии в этом ряду не вносили радикальных новшеств в предшествующие версии.

³ См., в частности, [24; 36; 37].

⁴ Аргументы же Стеббинса, предлагающего достаточно простой отличительный критерий для отделения серьёзного досуга от обычного (последний – это «относительно недолгая приятная деятельность, требующая незначительного или не требующая никакого специального обучения» [24, с. 68]), вполне понятны и не вызывают больших вопросов.

⁵ С инструментально-методических позиций попытки использования при анкетировании закрытых вопросов, посвящённых предпочитаемым респондентами досуговым формам (при фантастическом количестве и разнообразии последних) и в то же самое время не предполагающих выделения как раз таки укрупнённых (генерализованных) категорий, могут вызывать только недоумение. Но такое в отечественных публикациях встречается очень часто. Более того, в перечни предлагаемых респондентам досуговых форм регулярно попадают, например, работа по дому и уход за детьми. Хотя, казалось бы, ещё несколько десятилетий назад советские социологи, нисколько не чужаясь такой формы солидарности со своими коллегами из капиталистических стран, не относили соответствующие занятия к свободному времени (см., например, [19, с. 244–245]).

⁶ Как отмечает А.Н. Малинкин, «списки видов и предметов коллекционирования в принципе не могут быть ни полными, ни тем более исчерпывающими» [13, с. 103].

циональных понятий, типологий и т.п., используемых за рубежом, представляются малоперспективными. Нужно всего лишь внимательно изучать чужой опыт и применять его в рамках соответствующих исследований, лишь в случае реальной необходимости адаптируя имеющиеся наработки.

Детские болезни «дачеведения»

Безусловно, одно из самых первых слов, приходящих на ум при рассмотрении связки «досуг – окрестности современного российского города», – дача. Что, в принципе, неудивительно в свете тех эпитетов, которыми часто сопровождается социальный феномен, скрывающийся за этим словом. Чего стоят, например, следующие «черты к портрету»: «дачу можно рассматривать как один из основополагающих институтов, важную составляющую образа социальной жизни современных россиян» [21, с. 76].

Зарубежные исследователи здесь, наверное, ни в чём не уступают отечественным авторам в оценках значимости феномена. Например, М. Колдуэлл свою последнюю из посвящённых российским дачам работу резюмирует так: «В конечном счёте то, что раскрывает мир дачи с его акцентом на еду, семью и будущее, которое всегда несёт с собой прошлое, – это внутренние парадоксы и сложности, которые формировали повседневную жизнь россиян на протяжении последних двух столетий. ... Возможно, самое важное, что в качестве микрокосма противоречий, присущих повседневной российской жизни, дачный мир показывает, что русское наследие никогда не исчезает, а всегда переделывается, как и личности и роли людей, которые создают это наследие» [32, р. 189].

Собственно, вклад зарубежных учёных в постижение феномена именно российских дач¹ оказался более чем заметным на фоне (будем надеяться, пока что) достаточно небольшого пласта отечественных работ. Как отмечает А.И. Трейвиш, «мы, как водится, слишком долго дремали и попросту проспали феномен, развивавшийся буквально на наших глазах, часто с нашим личным практическим участием» [27, с. 30].

Ввиду относительной молодости отечественного дачеведения ему присуща вполне понятная и простибельная несбалансированность исследовательского интереса. О чём идёт речь? Дело в том, что во многих работах соответствующей тематики, начиная с относительно недавних, но всё-таки «пионерных», до совсем свежих², акценты смещены в сторону изучения (описания, типологизации³ и т.д.) дач и дачных участков как физических объектов. Это усиливается ещё и постоянным подчёркиванием «жилищной функции», выполняемой дачами (как вторым жилищем).

Возьмём в качестве примера пассаж, в котором И. Браде описывает текущее состояние и перспективы «дачного дела» в России: «Пространственная структура постсоветских пригородов крупных городов с начала 1990-х гг. значительно изменилась. Она стала более разнообразной и всё ещё находится в процессе изменений. В частности, социальная дифференциация субурбий российских городов пока не завершена. Но основные функции современных дачных посёлков отчётливо выражены и в будущем не будут существенно меняться – дачи и в дальнейшем будут использоваться как часть общей городской и сельской жилплощади, то есть в качестве второго жилища, но всё более и более круглогодично. С повышением уровня жизни

¹ В частности, здесь можно отметить целый ряд работ, в том числе весьма объёмных [11; 12; 28; 31; 32].

² Приведём лишь небольшой перечень: [9; 14; 15; 27].

³ Получение «всеобщей типологии дач (вторых жилищ)» [27, с. 30] – именно таким образом может восприниматься конечная, но пока недостижимая цель «дачеведческих» изысканий. Что, конечно же, будет сильным заужением их потенциала.

отдых в собственном доме на природе будет оставаться важной потребностью, в то время как выращивание овощей всё больше превращается в хобби, нежели необходимость» [1, с. 37].

В приведённом фрагменте обратим внимание на два момента. Во-первых, это указанный выше упор на «жилищную» функцию дач как основную. В отношении последнего есть некоторые сомнения: действительно ли в массе своей современные российские горожане (неважно, актуальные это дачевладельцы или потенциальные) рассматривают дачи в качестве пусть и второстепенного, но «настоящего» жилья, того самого «второго дома» (second home), фигурирующего в соответствующей зарубежной литературе? Во-вторых, за изменением «продовольственной» роли дач скрываются, как представляется, более значимые трансформации – изменения в социальных практиках тех самых дачников, в данном случае – усиление интересующей нас досуговой составляющей.

Конечно, проведение параллелей с зарубежным массивом исследований, посвящённых «вторым домам», может быть полезным и даже само по себе составлять отдельное направление «дачеведческих» изысканий компаративистского характера¹. Действительно, «структура площади садовых участков граждан по видам использования позволяет судить об их современных функциях» [14, с. 64]. Однако, будучи, по сути, результатом осуществления разнообразных дачных практик, «артефактами», дачи и дачные участки являются пусть и более удобным, но всё-таки не идеальным индикатором изменений в тех самых «формах времяпрепровождения» людей. Пока же «всеобщая типология» дачников, позволяющая исследовать глубинные характеристики (структурные, динамические) дачного феномена в России, ещё не появилась. Во всяком случае, автору настоящей работы таковая не известна.

О вернакулярных районах и не только

Безусловно, дачи являются лишь одной из форм «интервенции» города в окружающее его пространство. Помимо дачного досуга существует разнообразие (может быть и не такое широкое, как в самом городе, но всё-таки достаточно большое) досуговых (но не только) практик, которые горожане осуществляют в непосредственной близости от города. В результате в пригородах происходят значительные трансформации². Вот как К.В. Григоричев характеризует подобного рода изменения применительно к Иркутску: «Собственно сельского пространства в ближайших к городам агломерации селах уже не осталось. Субурбанизация как новый способ взаимодействия Города и Села активно преобразует иркутские пригороды, уже не формируя отдельные локусы иного социального пространства, а задавая масштабный тренд развития пригорода в целом, создавая качественно новую модель развития его пространства и сообществ» [5, с. 50].

Итогом вторжения горожан в пригороды становятся как положительные, так и отрицательные эффекты весьма широкого спектра: экономические, экологические и т.д. В частности, многие досуговые практики в пригородах предполагают использование различных услуг, предоставляемых соответствующими экономическими агентами (неважно, фирмами или отдельными гражданами). При росте числа горожан, проводящих своё свободное время вблизи

¹ Например, некоторую «пищу для размышлений» можно получить из такого рода данных: «История показывает, что богатым удавалось совмещать город с деревней за счёт двух домов. ... И всё же эта модель не получила широкого распространения, поскольку строительство двух домов – крайне дорогой для горожан способ приобщения к природе. Из общего жилого фонда Америки, насчитывающего 128 млн объектов, немногим более трёх миллионов являются вторыми домами, предназначенными исключительно для отдыха» [4, с. 301–302].

² Литература, посвящённая современным российским пригородам, достаточно обширна. Сошлёмся лишь на один коллективный труд, по которому можно получить представление о широте и разнообразии исследуемых проблем [30].

города, бурный расцвет «белого» бизнеса, вместе с тем, отнюдь не гарантирован, поскольку сфера услуг «предоставляет значительно больше возможностей для реализации деловой активности в сфере неформальной экономики» [6, с. 55]. И это нужно учитывать в современных российских реалиях.

Приступая к изучению досуга горожан в современных российских пригородах, исследователю важно уделить внимание не только богатому спектру проблем, важных для рассмотрения. Вопрос исследовательского инструментария также важен. И здесь, как представляется автору, есть возможности для расширения области применения такого концепта, как «вернакулярный район».

Пока объём отечественной литературы, посвящённой вернакулярным районам, достаточно невелик¹. Основной акцент в описании сути этого «импортированного» понятия делается, как правило, на идентификаторах (в том числе наименованиях), присваиваемых жителями тем или иным территориям: «под вернакулярным районом понимается район, который осознан самими жителями, но у него нет автора-районолога, а есть (может быть) лишь географ, который изучит артефакты, отражающие сознание местных жителей, опросит их и на этом основании оконтурит район и даст ему характеристику как району, а его жителям – как территориальной общности людей, сплочённых проживанием на единой территории» [23, с. 45]. Другими словами, в качестве вернакулярных фигурируют районы проживания.

Однако рассматриваемое понятие без каких-либо видимых затруднений может быть применено и к местам (во всяком случае типичным) концентрации досуговых практик горожан, причём как внутригородским, так и загородным: «физическое место – это пространство, которое наделено общим пониманием соответствующих форм поведения и культурных ожиданий» [34, р. 32]. На практике, собственно, мы и можем часто наблюдать использование соответствующих обозначений применительно к тем или иным местам пригородного досуга (дачам, пляжному отдыху, рыбалке и т.д.): в ответ на вопрос о местоположении своей дачи горожанин, скорее всего, назовёт не точный адрес, а устоявшееся в народных кругах название «района».

Впрочем, рассмотрение вернакулярных районов в рамках исследования проблем пригородного досуга представляется важным с точки зрения отнюдь не только удовлетворения любопытства учёного, но и решения исключительно прикладных вопросов территориального управления. Дело в том, что в случае вернакулярных досуговых районов именно они выступают основным объектом в конкуренции мест². Как представляется, введение «в оборот» вернакулярных досуговых районов не только позволит решать чисто академические задачи, но и будет способствовать принятию более эффективных решений, связанных с использованием потенциала соответствующих мест досуга, вопросами межмуниципального и даже межрегионального взаимодействия.

Заключение

Как пишет М. Сторпер, «изучение роста и изменений регионов и городов – одна из важнейших задач общественных наук. Города и регионы, как любые другие географические измерения экономических систем, – это сложные процессы экономического развития, движимые бесчисленными взаимодействующими силами. ... Не стоит надеяться, что какая-либо определённая область научных знаний сможет дать исчерпывающие ответы на все вопросы, особенно в такой сложной сфере взаимодействия человека и технологий, как пространственная эконо-

¹ Сошлёмся лишь на некоторые из работ такого рода [10; 18; 20; 23].

² Некоторое представление о взглядах автора на последнюю можно получить из [8].

мика. ... Развитие городов и регионов – сложное и многослойное явление. В большинстве случаев оно не может быть объяснено с помощью одной научной дисциплины или теории» [26, с. 20].

В частности, А.И. Трейвиш следующим образом описывает складывающееся в России «дачеведение»: «Не как хорошо оформленная и вполне признанная дисциплина, а на стыке разных отраслей знания: истории, географии, демографии, социологии, экологии, экономики, архитектуры, теории и методов планирования вообще и территориального особенно, многих иных ветвей и веточек гуманитарных и естественных наук» [27, с. 30].

Дачи – лишь одним из локусов досуговых практик горожан. «Пригородное досуговедение», по всей видимости, нуждается не в меньшем наборе дружащих между собой дисциплин. Что повышает требования к исследователю, поставившему перед собой задачу по изучение этого сверхсложного феномена.

Список литературы

1. Браде И. Между дачей и фешенебельной резиденцией. Взгляд с Запада // Известия РАН. Серия: Географическая. 2014. № 4. С. 33–38.
2. Бутенко И.А. Свободное время богатых и бедных // Социологические исследования. 1998. № 7. С. 82–89.
3. Вахштайн В., Маяцкий М. Случайный труд – принудительный досуг. Дискуссия // Логос. 2019. № 1. С. 1–26.
4. Глейзер Э. Триумф города. Как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 432 с.
5. Григоричев К.В. От слободы до субурбии: пригороды Иркутска в последней трети XX – начале XXI в. // Известия Иркутского государственного университета Серия «Политология. Религиоведение». 2012. № 2–2. С. 44–51.
6. Григоричев К.В. Трансформация экономического поля пригорода Иркутска // Идеи и идеалы. 2013. № 4. С. 51–61.
7. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. М.: Весь Мир, 2011. 328 с.
8. Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. Конкуренция на рынке местоположений // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 6. С. 70–76. DOI: 10.14530/reg.2017.6
9. Казаков С.Г. Экономико-географические особенности курских дач // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Естественные науки. 2019. № 1. С. 92–102. DOI: 10.18384/2310-7189-2019-1-92-102
10. Казакова Г.М. «Вернакулярный район» как условие интенсификации социальных процессов // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 57–65.
11. Ловелл С. Дачники: история летнего жилья в России, 1710–2000. СПб.: Академический проект: ДНК, 2008. 347 с.
12. Ловелл С. Досуг в России: «свободное» время и его использование // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 136–173.
13. Малинкин А.Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 192 с.
14. Махрова А.Г. Сезонная субурбанизация в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2015. № 4. С. 60–68.
15. Нефедова Т.Г. Горожане и дачи // Отечественные записки. 2012. № 3. С. 204–216.

16. Нуксунова А.М. Досуговое поведение россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2010. № 2. С. 231–246.
17. О чем мечтают россияне: идеал и реальность. М.: Весь Мир, 2013. 400 с.
18. Павлюк С.Г. Ключевые вопросы изучения вернакулярных районов // Территориальная структура хозяйства и общества зарубежного мира. М.–Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 46–56.
19. Патрушев В.Д. Образ жизни: тенденции развития свободного времени // Социология и проблемы социального развития. М.: Наука, 1978. С. 241–252.
20. Пузанов К.А. Территориальные границы городских сообществ // Социология власти. 2013. № 3. С. 27–38.
21. Розмаинский И.В., Ложникова А.В., Кичко Н.И., Хлопцов Д.М. Дача в постсоветской России: институциональный анализ // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2017. Т. 9. № 2. С. 63–79. DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.2.063-079
22. Седова Н.Н. Досуговая активность граждан // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 56–69.
23. Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Меняющаяся география зарубежного мира. М. – Смоленск: Ойкумена, 2007. С. 21–49.
24. Стеббинс Р.А. Свободное время: к оптимальному стилю досуга (взгляд из Канады) // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 64–72.
25. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя. М.: Весь Мир, 2018. 312 с.
26. Сторнер М. Ключи от города: Как устроено развитие? М.: Strelka Press, 2018. 368 с.
27. Трейвиш А.И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 4. С. 22–32.
28. Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки). М.: Наталис, 2010. 384 с.
29. Хьюз Э. Работа и досуг // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 68–81.
30. Что мы знаем о современных российских пригородах? Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 220 с.
31. Caldwell M.L. *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley: University of California Press, 2011. 222 p.
32. Caldwell M.L. *Dacha Labors: Preserving Everyday Soviet Life* // *Gender and Food in Late Soviet Everyday Life*. Ed. by A. Lakhtikova, A. Brintlinger, I. Glushchenko. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2019. Pp. 165–192.
33. Dumazedier J. Ambiguïté du loisir et dynamique socio-culturelle // *Cahiers internationaux de sociologie*. 1957. Vol. 22. Pp. 75–96.
34. Elkington S. Disturbance and Complexity in Urban Places: The Everyday Aesthetics of Leisure // *Landscapes of Leisure: Space, Place and Identities*. Ed. by S. Gammon, S. Elkington. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2015. Pp. 24–40.
35. Soule G. The Economics of Leisure // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1957. Vol. 313. Pp. 16–24. DOI: 10.1177/000271625731300106
36. Stebbins R.A. Casual Leisure: A Conceptual Statement // *Leisure Studies*. 1997. Vol. 16. № 1. Pp. 17–25. DOI: 10.1080/026143697375485
37. Stebbins R.A. *Leisure Activities in Context: A Micro-Macro/Agency-Structure Interpretation of Leisure*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2016. 197 p.
38. Tarde G. *Psychologie économique*. Tome premier. Paris: Felix Alcan, 1902. 383 p.

References

1. Brade I. Between Dacha and Fashionable Residence. View from the West. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the RAS. Series: Geographical]. 2014. No. 4. Pp. 33–38. (In Russian)
2. Butenko I.A. Quality of Leisure Time among the Poor and the Rich. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 1998. No. 7. Pp. 82–89. (In Russian)
3. Vakhshayn V., Maiatsky M. Contingent Labor – Forced Leisure. A Discussion. *Logos*. 2019. No. 1. Pp. 1–26. (In Russian)
4. Glaeser E. *Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier*. Moscow, 2014. 432 p. (In Russian)
5. Grigoriev K.V. From Settlement to Suburb: Outskirts of Irkutsk in the Last Third of the XXth – the Early XXIth Century. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya «Politologiya. Religiovedenie»* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series «Political Science and Religion Studies»]. 2012. No. 2–2. Pp. 44–51. (In Russian)
6. Grigoriev K.V. Transformation of the Economic Field of the Suburb of Irkutsk. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. 2013. No. 4. Pp. 51–61. (In Russian)
7. *Twenty Years of Reforms through the Eyes of Russians: The Experience of Long-Term Sociological Measurements*. Moscow, 2011. 328 p. (In Russian)
8. Demyanenko A.N., Ukrainsky V.N. Competition in the Market of Places. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 6. Pp. 70–76. (In Russian) DOI: 10.14530/reg.2017.6
9. Kazakov S.G. Economic-Geographical Features of Dachas near Kursk. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Estestvennye nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: Natural Sciences]. 2019. No. 1. Pp. 92–102. DOI: 10.18384/2310-7189-2019-1-92-102 (In Russian)
10. Kazakova G.M. «The Vernacular Area» as Condition for the Intensification of Social Processes. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2017. № 9. Pp. 57–65. (In Russian)
11. Lovell S. *Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000*. S.-Petersburg, 2008. 347 p. (In Russian)
12. Lovell S. Leisure in Russia: Free Time and Its Uses. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture]. 2005. No. 2. Pp. 136–173. (In Russian)
13. Malinkin A.N. Collector. Essay on Research in the Sociology of Culture. Moscow, 2011. 192 p. (In Russian)
14. Makhrova A.G. Seasonal Suburbanization in the Regions of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography]. 2015. No. 4. Pp. 60–68. (In Russian)
15. Nefedova T.G. Citizens and Dachas. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland]. 2012. No. 3. Pp. 204–216. (In Russian)
16. Nuksunova A.M. Leisure Behavior of Russians. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]. 2010. No. 2. Pp. 231–246. (In Russian)
17. *What the Russians Dream about: The Ideal and the Reality*. Moscow, 2013. 400 p. (In Russian)
18. Pavlyuk S.G. Key Issues of the Study of Vernacular Areas. In: *Territorial Structure of the Economy and Society of the Foreign World*. Moscow – Smolensk, 2009. Pp. 46–56. (In Russian)
19. Patrushev V.D. *Lifestyle: Trends in the Development of Free Time*. In: *Sociology and Problems of Social Development*. Moscow, 1978. Pp. 241–252. (In Russian)
20. Puzanov K.A. Territorial Borders of Urban Communities. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. 2013. No. 3. Pp. 27–38. (In Russian)
21. Rozmainsky I.V., Lozhnikova A.V., Kichko N.I., Khloptsov D.M. Dacha in Post-Soviet Russia: Institutional Analysis. *Journal of Institutional Studies*. 2017. Vol. 9. No. 2. Pp. 63–79. DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.2.063-079 (In Russian)

22. Sedova N.N. Leisure-Time Activities of Russian Citizens. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2009. No. 12. Pp. 56–69. (In Russian)
23. Smirnyagin L.V. About Regional Identity. In: *Changing Geography of the Foreign World*. Moscow – Smolensk, 2007. Pp. 21–49. (In Russian)
24. Stebbins R.A. Free Time: Toward the Optimal Style of Leisure (A Look from Canada). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2000. No. 7. Pp. 64–72. (In Russian)
25. *The Capitals and Regions of Modern Russia: Myths and Facts Fifteen Years Later*. Moscow, 2018. 312 p. (In Russian)
26. Storper M. *Keys to the City: How Economics, Institutions, Social Interaction, and Politics Shape Development*. Moscow, 2018. 368 p. (In Russian)
27. Treyvish A.I. «Dachevedenie» as the Science of the Second House in the West and in Russia. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the RAS. Series: Geographical]. 2014. No. 4. Pp. 22–32. (In Russian)
28. Humphrey C. *Post-Soviet Transformations in Asiatic Russia. Anthropological Sketches*. Moscow, 2010. 384 p. (In Russian)
29. Hughes E.C. *Work and Leisure*. In: *American Sociology: Perspectives, Problems, Methods*. Moscow, 1972. Pp. 68–81. (In Russian)
30. *What Do We Know about Contemporary Russian Suburbs?* Ulan-Ude, 2017. 220 p. (In Russian)
31. Caldwell M.L. *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley: University of California Press, 2011. 222 p.
32. Caldwell M.L. *Dacha Labors: Preserving Everyday Soviet Life*. In: *Gender and Food in Late Soviet Everyday Life*. Ed. by A. Lakhtikova, A. Brintlinger, I. Glushchenko. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2019. Pp. 165–192.
33. Dumazedier J. Ambiguity of Leisure and Socio-Cultural Dynamics. *Cahiers internationaux de sociologie* [International Notebooks of Sociology]. 1957. Vol. 22. Pp. 75–96. (In French)
34. Elkington S. Disturbance and Complexity in Urban Places: The Everyday Aesthetics of Leisure. In: *Landscapes of Leisure: Space, Place and Identities*. Ed. by S. Gammon, S. Elkington. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2015. Pp. 24–40.
35. Soule G. The Economics of Leisure. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1957. Vol. 313. Pp. 16–24. DOI: 10.1177/000271625731300106
36. Stebbins R.A. Casual Leisure: A Conceptual Statement. *Leisure Studies*. 1997. Vol. 16. № 1. Pp. 17–25. DOI: 10.1080/026143697375485
37. Stebbins R.A. *Leisure Activities in Context: A Micro-Macro/Agency-Structure Interpretation of Leisure*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2016. 197 p.
38. Tarde G. *Economic Psychologie. Vol. I*. Paris: Felix Alcan, 1902. 383 p. (In French)

■ ■ ■
Для цитирования:

Украинский В.Н. Досуг в тени большого города: постановка исследовательских вопросов // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 3. С. 89–99. DOI: [10.14530/reg.2019.3.89](https://doi.org/10.14530/reg.2019.3.89)

For citing:

Ukrainsky V.N. Leisure in the Shadow of Big City: Research Questions. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 3. Pp. 89–99. DOI: [10.14530/reg.2019.3.89](https://doi.org/10.14530/reg.2019.3.89) (In Russian)